

К.А. Руденко

Влияние поздних сармат на материальную культуру населения Среднего Поволжья в VI – VII вв. н.э.

Проблема этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в эпоху раннего средневековья является одной из обсуждаемых тем в археологии региона. До сих пор нет однозначной оценки не только характера глобальных миграционных процессов, но и культурной интерпретации имеющихся археологических материалов. Достаточно быстро накапливающийся археологический материал не только не вносит ясность в решение этих вопросов, но, зачастую, наоборот, размывает уже, казалось бы, сложившуюся картину.

Ключевым объектом исследования здесь выступает именьковская культура, получившая обоснование в конце 1960-х гг. в исследовании П.Н. Старостина [1]. Не вдаваясь в историографические вопросы о происхождении и культурной принадлежности носителей этой культуры, что требует отдельного исследования, отметим, что в этой дискуссии скорее всего наиболее обоснована точка зрения самарского археолога Д.А. Сташенкова, утверждающего, что эта культура представляет собой конгломерат различных этнических групп, имевших специфические особенности в разных частях ее территории [2]. В сущности, обсуждался и обсуждается базовый компонент именьковской культуры, который в исследованиях фигурирует как: 1) поволжско-финский (А.П. Смирнов); 2) тюрко-угорский (А.Х. Халиков и поддерживающие его точку зрения в 1970-80-х гг. П.Н. Старостин и Е.П. Казаков); 3) славянский (Г.И. Матвеева, В.В. Седов, Ю.А. Семькин, Д.А. Сташенков и примкнувший к ним в 1990-2000-х гг. П.Н. Старостин).

Эти интерпретации рассматривались в тесной связи с изучением формирования средневекового волжско-булгарского этноса и материальной культуры булгарского государства. В первом случае предполагалось смешение пришельцев-булгар с коренным местным финноязычным населением, при доминировании последнего, во втором – подразумевалась ранняя тюркизация края, но прямое участие именьковского

населения в процессах этногенеза волжских булгар отрицалось. Третья концепция декларировала раннюю славянизацию Поволжского региона и участие славянского населения в процессах этногенеза в Волго-Камье в V-IX вв. н.э.

При этом в описание общей археологической картины были включены и исторические интерпретации, что предполагалось советской исторической наукой. Н.Ф. Калинин считал, что именьковские племена – это исторические буртасы, соседи тюркоязычных волжских булгар. А.П. Смирнов эту точку зрения не разделял, утверждая, что буртасы жили южнее, а позднеродецкие (именьковские) племена – это историческая мордва, взаимодействовавшая с булгарами-сарматами. А.Х. Халиков локализовал буртасс в Посурье, отделив их от именьковцев, этническую принадлежность которых он точно не определил (в его публикациях они фигурируют то как тюрки, то как балты), и от пришлых булгар, которые, по его мнению, были потомками гуннов, тюркоязычным этносом, развивавшимся автономно на Средней Волге, сохраняя базовые черты тюркской культуры-матрицы. Авторы славянской концепции в своем видении этногенетических процессов в регионе прямой связи именьковцев с какими-либо историческими славянскими племенами не указывали. Исключение составляет мнение известного слависта В.В. Седова, считавшего часть смоленских кривичей потомками именьковцев после их ухода из Волго-Камья.

Таким образом, если рассматривать исходный код проблемы, то существуют два подхода к вышеназванным вопросам, один из которых строится на принципах дискретности этногенетических процессов в регионе (А.Х. Халиков), второй – на их континуальности (А.П. Смирнов, Г.И. Матвеева). При этом первый расширяет пространство исходной археологической матрицы (прежде всего, в отношении аналогий в материальной культуре) на восток, второй – на запад.

Новый взгляд на проблему в конце 1990-х гг. сформулировал казанский археолог Е.П. Казаков, оттолкнувшийся от идеи, что в VI-VII вв. на Средней Волге образовалась турбаслинско-бахмутино-именьковская культура, которую он в 2000-х гг. стал интерпретировать как позднесарматскую [3;4]. Таким образом,

по Е.П. Казакову, эта этнокультурная среда имела исходный код на стыке вышеописанных двух первоначальных археологических матриц, к югу от Среднего Поволжья.

Второе появление исторических сармат в интерпретации раннесредневековых материалов Е.П. Казаковым сначала вписывалось в концепцию А.Х. Халикова о происхождении волжских булгар, краеугольный камень которой покоился на тезисе о постименьковском hiatusе. Но, по мере развития собственной концепции Е.П. Казакова [5], она приняла совершенно новый вид, в какой-то мере сблизившись с гипотезами А.П. Смирнова о сарматах-булгарах и Н.Ф. Калинина об именьковцах-буртасах.

Е.П. Казаков справедливо отметил, что территория Среднего Поволжья в первые века н.э. была северной периферией сарматского мира. Движение гуннов в IV-V вв. рассеяло сармат – часть их покинула южные степи и ушла на север в Прикамье. Это была, по его мнению, первая волна сарматской северной миграции. Вторая волна приходится на середину VI в., как следствие образования Тюркского I каганата, когда произошла еще одна подвижка степного населения на Южном Урале. В результате этого в Волго-Икском междуречье сложилось своеобразное именьковско-турбаслинское культурное пространство, где турбаслинский компонент является позднесарматским [6].

Е.П. Казаков считает, что в дальнейшем, под давлением приуральских угров (кушнаренковская культура), часть этого населения уходит в Саратовское Поволжье, где они смешиваются с «салтовскими» болгарами и становятся известными под именем «буртас». В середине VIII в. этот метисный этнос приходит на Среднюю Волгу (Больше-Тарханский и Автозаводской могильники) став основой генезиса волжско-булгарской культуры [7].

Но главное в этом видении проблемы – выявление сарматского фарна, который, по мнению Е.П. Казакова, выражается в своеобразном культе коня в погребальной обрядности, украшениях солярного типа, антропоморфных вотивных фигурках и т.п. [8]. К этому стоит добавить обычай деформации черепа, что зафиксировано в захоронениях

именьковских II Коминтерновского, Маклашеевского могильников, а также погребениях Кайбельского раннебулгарского могильника.

Таким образом, если исходить из предположения об участии в II – VII вв. потомков сарматского населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в этнокультурных процессах в Среднем Поволжье, то это проявляется в нескольких формах. Прежде всего, это погребальный обряд биритуальных могильников именьковской культуры, включая специфические жертвенные конские комплексы, деформацию черепов погребенных, использование меловой присыпки при проведении обряда, что находит определенные параллели в поздне-сарматской культуре (II – IV вв. н.э.) Нижнего Поволжья [9].

Второй признак – это набор культовых поделок, фиксирующийся в погребальном инвентаре и, реже, в поселенческих материалах. В него входят культовые фигурки животных, прежде всего, лошадей, фигурки людей, а также украшения в виде солярных символов и миниатюрные зеркала, точнее, подвески в виде зеркал. Большая часть этих изделий имеет аналогии в материалах аланских могильников IV-VIII вв.

Третий признак связан с материальной культурой именьковских поселений. В керамическом комплексе значительной части их имеются изделия с тщательно заглаженной поверхностью и с лощеной поверхностью. Их выделяли в отдельную группу Н.Ф. Калинин и П.Н. Старостин. Не исключено, что этот декоративный прием является наследием постсарматских традиций. Кроме того, зафиксированы гибридные формы керамической посуды с орнаментами в виде ямок и декоративными налестками, которые чаще всего встречаются в Восточном Закамье. Раскопки на волжском Правобережье (археологический комплекс у с. Новая Беденьга и II Тетюшское городище) показали, что эти элементы керамического комплекса присущи поселениям в этой части территории именьковской культуры. Также к этой категории изделий стоит добавить серию округлодонных небольших глиняных сосудов, скорее всего, ритуального назначения, и культовых миниатюрных изображений жертвенного столика, которые встречаются только на именьковских поселениях.

Библиографический список

1. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967 (САИ. Вып. Д1-32).
2. Сташенков Д.А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье в начале эпохи Великого переселения народов // Средневековая археология Евразийских степей. Казань, 2007. Т. I.
3. Казаков Е.П. О сармато-аланском компоненте в культуре ранней Волжской Болгарии и его происхождении // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения. Казань, 2011.
4. Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // *Finno-Ugrica*. 2011. № 12-13.
5. Руденко К.А. Концепции болгарского этногенеза во второй половине XX – начале XXI в. (к 85-летию Е.П. Казакова) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4(28). DOI : [https://doi.org/10.14258/tpai\(2019\)4\(28\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2019)4(28).-14)
6. Казаков Е.П. К проблеме выявления памятников поздних сармат в Закамье // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы Международной конференции. Самара, 2003.
7. Казаков Е.П. О типологии и хронологии погребальных комплексов ранней Волжской Болгарии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной конференции. Самара, 2013.
8. Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
9. Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону, 2011.